

А. А. Иванов, А. А. Чемакин

Всероссийская народно-государственная партия В. М. Пуришкевича: программа, структура и печатные органы

**Иванов
Андрей
Александрович,**
доктор исторических
наук, доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

**Чемакин
Антон
Александрович,**
кандидат
исторических наук
(Санкт-Петербург,
Россия)

История Всероссийской народно-государственной партии (далее — ВНГП), последнего детища известного правого политика Владимира Митрофановича Пуришкевича (1870–1920), ранее уже освещалась историками (в том числе одним из авторов данной публикации¹). Но информация о ней была крайне скупой и обрывочной. Привлечение новых источников — как материалов белогвардейской прессы, так и архивных документов (включая не использовавшиеся ранее историками материалы из личного архива В. М. Пуришкевича за 1918–1920 гг.²) — позволяет внести ряд существенных уточнений в представления о ВНГП и подробно реконструировать ее программу и деятельность.

Партия была создана в июле 1919 г. в г. Кисловодске (Терская область). На учредительном собрании состоялось избрание руководства, в которое вошли бывший председатель Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела (РНСМА), правый депутат II–IV Государственной думы В. М. Пуришкевич, Н. Н. Ладомирский, Я. Н. Офросимов и граф Шереметев³ (к сожалению, отсутствие в источниках инициалов графа не позволяет установить, о ком именно из представителей этого известного рода идет речь). Среди других учредителей с аристократическими фамилиями источники называют графов Стенбок-Феромора и Граббе⁴.

Историк В. П. Федюк связывал создание партии с проходившим в это время в Кисловодске съездом монархистов: не найдя общий язык с другими правыми, Пуришкевич покинул заседание и объявил о создании собственной партии⁵. Вскоре был отпечатан устав, и на негласном заседании членов партии 29 июля 1919 г. в том же Кисловодске, согласно данным Информационной части Отдела пропаганды при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, Пуришкевич озвучил два главных тезиса: 1) «виновность евреев за многое прошлое и за все настоящее»; 2) «злорада на союзников, особенно на англичан, вера в наше спасение только через Германию»⁶. Если первый пункт был вполне традиционным для черносотенного вождя (хотя в годы Первой мировой войны Пуришкевич пытался убедить общество в своем изменении взглядов на евреев⁷), то второй не мог не удивить тем, что ставший с начала войны с немцами ярким германофобом и антантофилом, лидер правых с легкостью возвращался на прогерманские позиции.

Поправивший во время Гражданской войны и избавившийся от обуявшего его в 1917 г. революционного угара, В. М. Пуришкевич вновь стал убежденным сторонником православной самодержавной монархии. «Только как Монархия и Монархия Самодержавная может и будет существовать единая, неделимая, [неразборчивое слово] Православная Россия», — такие слова были начертаны на стилизованном под свиток листе, который держал в руке на одной из запечатлевших его в 1919 г. фотографий лидер ВНГП. Но при этом остается открытым вопрос, кого именно лидер правых хотел видеть на российском престоле. В июле 1919 г. Пуришкевич в разговоре с поэтом М. А. Волошиным на его вопрос, неужели же он, как истинный монархист, настаивает на возвращении к власти династии Романовых, неожиданно ответил: «Нет, только не эта скверная немецкая династия, которая уже давно потеряла всякие права на престол <...> В России сохранилось достаточно потомков Рюрика, которые сохранили моральную чистоту рода гораздо более, чем Романовы. Хотя бы Шереметевы!»⁸ Тут, впрочем, Пуришкевич заблуждался — к Рюриковичам графский род Шереметевых отношения не имел, но интересно другое. Учитывая то обстоятельство, что в руководящий орган ВНГП был введен один из представителей этой известной фамилии, невольно рождается

Фото 1. В. М. Пуришкевич с сыновьями Вадимом и Всеволодом, 1919 г. (публикуется впервые)

вопрос: уж не члена ли своей партии прочил на российский престол Владимир Пуришкевич?

Впрочем, по вопросу о будущем кандидате в ВНГП, похоже, не было единой позиции. Да и сам Пуришкевич на роль временного диктатора, призванного навести порядок в стране до провозглашения законного монарха, публично предлагал все-таки представителя дома Романовых — великого князя Николая Николаевича, на коем, как писал политик, «почиют чистые надежды лучшей части русского общества». «Большевицкая власть в России, если мы желаем спасения России, должна быть заменена властью беспощадного русского диктатора, — отмечал в 1919 г. Пуришкевич, — обязанностью коего явится найти и жестоко покарать главных виновников, обративших русский народ в зверя, после чего преемником этой власти должен быть только русский Царь-Самодержец, руки коего уже не станут обагряться кровью, а примут бразды правления для выполнения культурных задач и успокоения взбаламученной России, потерявшей как свое место среди народов мира, так и уважение в кругу человечества»⁹.

Что же касается программы ВНГП, то она была изложена в двух брошюрах, изданных в Ростове-на-Дону¹⁰, одну из которых написал младший брат Владимира Митрофановича — М. М. Пуришкевич. В традиционном для правых духе описывая большевизм и ужасы, вызванные Революцией и Гражданской войной, ВНГП возлагала часть вины за постигшую Россию катастрофу на царскую бюрократию, которая «стояла не на высоте <...> отличалась эгоизмом, себялюбием, и дух личных благ и карьеры заглушал в ней сплошь и рядом сознание долга перед царем и народом», которая «запаздывала постоянно удовлетворением насущнейших, назревших и жизнью вызываемых потребностей народных запросов» и «тормозила экономическое, культурное и духовное развитие русского народа <...> была пристрастной к сильным, делала послабления знатным и заглушала потребности народа»¹¹. Но в отличие от революционных властей, говорилось в брошюре, царская бюрократия «не была преступна в корне», а все ее пороки «искупались всем тем хорошим, что исходило с высоты престола, который не знал другой задачи и другой цели, кроме цели блага народного, во имя величия России, во имя ее мощи, во имя ее славы»¹². Сравнивая «старый строй» с новым, партийное руководство обращало внимание на то, что ни царская цензура, ни репрессивный аппарат прежней власти не могут сравниться по масштабам и жестокости с большевиками, которые под знаменем свободы принесли русскому народу жесточайшую диктатуру.

При этом было бы неверно считать, что ВНГП лишь перепевала на новый лад дореволюционную черносотенную программу. Революция и Гражданская война заставили Пуришкевича и его единомышленников внести в программу новой партии ряд существенных корректив.

В разделе программы, посвященном государственному строю, подчеркивалось, что освобожденная от большевиков Россия должна стать монархией «с широкой децентрализацией власти, как страна, в состав коей входит целый ряд отдельных народов, различных вероисповеданий, из коих многие обладают самостоятельной культурой»¹³. Царь же должен стеснять свободу тех или иных народностей только в тех случаях, когда она будет направлена во вред общерусских интересов. Законодательная власть объявлялась прерогативой народного

представительства, избираемого по минимальным цензовым нормам (образование не ниже начального и наличие хотя бы минимального оклада или платимого налога), без каких-либо вероисповедных и национальных ограничений из представителей всего мужского населения страны, достигших 25-летнего возраста (за исключением военнослужащих). Духовенству, университетам и Академии наук предполагалось предоставить право особого представительства с отдельными выборами. Единственное исключение программа делала для евреев, которых предлагала наделить правами иностранных подданных, тем самым отстранив их от участия в общероссийских выборах. Такое поражение евреев в правах объяснялось в приложении к программе тем, что они якобы «всегда в душе считали себя временно пребывающими в земле изгнания, беженцами и мечтали о восстановлении своего еврейского государства в Палестине». Решить «еврейский вопрос» предлагалось содействием создания еврейского государства на Ближнем Востоке, после возникновения которого «евреи должны быть исключены из своего настоящего подданства и объявлены подданными Палестинского государства»¹⁴. При этом ВНГП заверяла, что российские евреи от предоставления им прав иностранных подданных «много выиграют и ничего не потеряют», так как будут освобождены от воинской и других повинностей, сохранив право повсеместного проживания.

Как и в царской России, народное представительство объявлялось двухпалатным (Государственная дума и Государственный совет), однако формирование Госсовета предлагалось на иных принципах: две трети его состава должны были составить представители местного самоуправления, а одну треть — члены, назначенные в верхнюю палату царской властью из числа лиц, «известных своею административною, научной, общественной или публицистическою деятельностью»¹⁵. За монархом также сохранялось право вмешательства в законодательную деятельность парламента, но «только в исключительных случаях жизни страны».

Возрожденная Россия виделась руководству ВНГП «единой и неделимой», за исключением Польши, которая признавалась независимым государством. Финляндия должна была стать частью России на правах автономной единицы с предоставлением ей права участия в общероссийском народном представительстве и с сохранением финляндского сейма как местного органа власти. На всех территориях Российского государства, населенных великороссами, малороссами, белорусами и казаками, предлагалось ввести широкое местное самоуправление, причем самой мелкой земской единицей мыслился церковный приход «как единственная исторически выросшая из быта народа ячейка»¹⁶, объединяющая в себе для хозяйственных целей всех граждан без различия вероисповедания, а по вопросам церковным — только православных. При этом партия предлагала упразднить губернские земские органы, замену которых видела в особом губернском совещании, составленном из выборных представителей уездных земств. За казачеством сохранялось право особого войскового устройства и местного самоуправления.

Программа ВНГП объявляла всех российских граждан равными перед законом, для чего предлагалось отменить все ограничительные нормы, существовавшие для отдельных групп населения в Российской империи. Впрочем, как уже было отмечено выше, программа партии исключала евреев из русского подданства «без

права перехода когда-либо в таковое» и объявляла их иностранцами «со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹⁷. Исповедание любой веры и взглядов, «не носящих признаков изуверства» и не подтачивающих государственный строй, объявлялось личным делом каждого. Цензура, кроме военной, отменялась, всем гражданам предоставлялось право создавать без правительственного разрешения общества и союзы, но при этом все социалистические учения объявлялись антигосударственными, и потому их распространители подлежали уголовному преследованию. В отношении православной церкви партия делала специальную оговорку, отводя православию как религии, исповедуемой большинством населения страны, господствующее государственное значение.

Особое внимание в программе уделялось народному воспитанию и образованию, которое объявлялось прерогативой государства и церкви. Частная инициатива в этой сфере партией ограничивалась, но не запрещалась¹⁸. Главными условиями создания частных школ провозглашались строгий государственный контроль над ними и выполнение ими «национально-патриотической программы». Партия также требовала введение всеобщего бесплатного начального образования, воспитывающего детей в духе веры и патриотизма. Снимая все ограничения по религиозно-национальному признаку, ВНГП опять-таки делала исключение для евреев, которым запрещалось поступление в низшую школу, а получение среднего и высшего образования допускалось согласно процентной норме и по жребию между всеми евреями, успешно сдавшими экзамены. Программа также провозглашала полную автономию и свободу преподавания в университетах с установлением «прочного материального обеспечения профессуры и доцентуры за счет государства». Всегда уделявший особое внимание кинематографу как средству национального воспитания (или развращения), Пуришкевич требовал монополизации этой отрасли государством с дальнейшим широким распространением сети кинотеатров по селам и городам России, «с подбором картин образовательного, литературного, научного, географического, этнографического и исторического характера»¹⁹.

В судебной сфере партия предлагала вернуться к принципам судебной реформы 1864 г., при этом отменив все крестьянские ограничения, которые должны быть заменены общегражданскими правами. В бюджетной сфере декларировалось введение прогрессивного подоходного налога и имущественного обложения, а также развитие ипотеки и мелкого кредита за счет средств сберегательных касс. Особое внимание уделялось развитию системы здравоохранения, рабочему законодательству (8-часовой рабочий день, свобода рабочих союзов и собраний, развитие охраны труда, страхование от болезней и старости) и аграрному вопросу (расширение крестьянских хозяйств за счет государственного фонда, ликвидация общины и введение полной частной собственности на землю, государственная помощь переселенческому движению, развитие кредита). При этом подчеркивалось, что малоземельные крестьяне должны получить землю не «самоправным насильственным захватом», а при помощи законной государственной власти, в задачи которой входит приобретение достаточного количества земли у частных собственников. Партия отдавала приоритет в расширении земельных наделов воинам, сражавшимся с внешним врагом и с большевиками, отказывая в праве

пользоваться государственным земельным фондом крестьянам, добровольно принявшим участие «в развитии и насаждении смуты и анархии в России»²⁰. В качестве лозунга, способного привлечь народные массы на сторону антибольшевистского сопротивления, В. М. Пуришкевич предлагал следующую формулу: «Земля и Царь!»²¹ В торгово-промышленной сфере партия выступала за уничтожение «всяких стеснений частной торговли, препятствующих развитию свободной конкуренции»²², развитие кооперации и протекционизм.

Во внешней политике В. М. Пуришкевич выступал за создание мощного союза с Японией, Германией и Швецией. Этот «северный союз» он считал естественным для России, «ибо в нем восторжествует монархический принцип»²³.

Устав партии разрешал членство в ней всем русским подданным без различия вероисповедания и национальности за исключением евреев, а также опороченных судом, спекулянтов и добровольно служащих советской власти. Для вступления в ВНГП необходимо было заручиться рекомендацией двух действительных членов партии и быть избранным общим собранием (членские взносы устанавливались в 25 руб. в год для горожан и 3 руб. для деревенских жителей). Неизвестно, была ли у партии официальная символика, но на одной партийной печати был изображен восьмиконечный православный крест и слова «Сим победиши», а на другой — корона, скипетр, держава и девиз «За Веру, Царя и Отечество»²⁴.

Представители других политических течений отнеслись к новой партии настороженно, а порой и враждебно, хотя признавали, что программа ее имеет существенные отличия от дореволюционных структур крайне правых. Газета «Единая Русь», издававшаяся в Одессе сторонниками В. В. Шульгина из числа «прогрессивных националистов», отмечала: «Мы, даже вполне сочувствуя и чрезвычайно удачному названию партии, и очень многому (но не всему) в ее программе, все же воздерживаемся от преждевременных суждений»²⁵. «Вольная Кубань» углядела сходство программы ВНГП с «Союзом 17 октября»²⁶. Кадетская «Киевская жизнь» писала: «Но разверните самую программу, и наряду с потугами на собственное творчество (главный продукт этого — признание всех евреев в России “иностранцами со всеми вытекающими отсюда последствиями”), в ней на каждом шагу пестрят заимствования из программ ненавистных автору либералов. Отказывается, кое-чему все-таки научились и наши правые. Партия “народно-государственная” объявляет себя конституционной (хотя и монархической), принимает все конституционные гарантии (не распространяемые лишь на лиц, исповедующих какие-либо социалистические учения — безотносительно их близости к большевизму), признает право преподавания в школах местного языка — “в интересах сохранения литературы и культуры каждой народности”, развивает далее довольно широкую организацию местного самоуправления, наконец, обещает “введение законодательным путем 8-часового рабочего дня для фабр[ично]-заводских предприятий” и вообще целый ряд мер по охране труда, словом, берет многое из того, за что кадеты и более левые группы признавались до революции врагами родины. Но тем резче и непримиримее настроены основатели и руководители этой партии к тем, чьим добром они быют теперь челом»²⁷.

К концу лета определился основной состав руководящих органов ВНГП, о чем свидетельствует одна из выпущенных партией листовок²⁸. Председателем

Главного совета ВНГП был, конечно же, сам В. М. Пуришкевич. Товарищем председателя стал флотский офицер лейтенант Н. Н. Фермор. В Совет вошли бывшие члены Государственного совета А. И. Мосолов (правая группа), Я. Н. Офросимов (правая группа, затем правый центр), кавалерийский полковник, флигель-адъютант М. М. Раевский, Н. И. Юрлов. Кандидатами в члены Совета были известный поэт-монархист С. С. Бехтеев, граф Д. М. Граббе, Н. Н. Ладомирский (бывший член фракции националистов и умеренно-правых III–IV Государственных дум), В. С. Мясоедов. В дальнейшем руководящий орган партии пополнили ставший секретарем Совета В. В. Касаткин, получивший пост управляющего делами партии Л. М. Савелов (известный русский генеалог, историк и архивист, бывший холмский губернатор), М. М. Пуришкевич (брат Владимира Митрофановича, в прошлом член Русского собрания и Всероссийского национального клуба)²⁹.

Создание отделов ВНГП происходило примерно по одной и той же схеме. Пуришкевич приезжал в город, выступал с лекциями, в ходе которых объявлялось о создании отдела партии и начале записи в него членов. Параллельно давались объявления в газетах, хотя и без этого внимание прессы всех направлений к визиту известного правого политика было огромным. В Одессе в сентябре 1919 г. были расклеены плакаты, приглашающие на лекцию Пуришкевича «Россия и Англия. Большевизм глазами англичан»³⁰. В газете «Единая Русь» появилось объявление, гласящее, что «Председатель Всероссийской Народно-Государственной Партии В. М. Пуришкевич сим уведомляет граждан гор. Одессы о том, что в Одессе открыт Отдел Партии и что лица, желающие вступить в таковую и ознакомиться с Программой и Уставом Партии, должны обращаться к Председателю Одесского Отдела генерал-майору С. И. Гаврилову (Международная Гостиница)», а программу и устав можно приобрести в магазине «Нового времени»³¹. Оппоненты Пуришкевича из «Одесских новостей» иронизировали, что в Одессе в партию записалось всего 20 действительных членов³², хотя вряд ли можно доверять этой информации в полной мере. По крайней мере, сводки Информационной части Отдела пропаганды за конец июля 1919 г. говорят о том, что в других городах Пуришкевич был популярен, и ряды ВНГП быстро росли: «Благодаря тому, что Пуришкевич громко высказывает о евреях то, что большинство правых думает про себя, он и его партия пользует[ся] большим успехом среди кисловодской интеллигенции вообще и представителей тамошней высшей аристократии в частности, радующихся, что наконец-то нашелся смельчак, который говорит их мыслями. Не меньший успех выпал на долю Пуришкевича и в Харькове, где ему, после нескольких лекций, сразу удалось привлечь в число членов партии несколько сот человек, но преимущественно из среды интеллигенции»³³. Активность Пуришкевича продолжилась и в августе: «Он проявляет кипучую деятельность. В течение двух последних недель он побывал в Новороссийске, Екатеринодаре, Армавире, где образовывал из своих помощников отделения партии. Теперь он находится в Ростове, создавая здесь также отделение»³⁴. В начале сентября Пуришкевич организовал ряд местных организаций в Таврической губернии, затем выехал в Одессу, а во второй половине сентября прибыл в Царицын, где «в ряде блестящих своих лекций, привлечших массы публики, подготавливает почву для образования» отдела ВНГП³⁵. Планировалось создание отделов в Полтавской и Екатеринославской губерниях, а также

Фото 2. Объявление ВНГП (публикуется впервые)

в области Войска Донского³⁶. В начале октября Пуришкевич вернулся в Ялту, где и оставался на протяжении следующего месяца. Помимо агитационного турне Пуришкевича ВНГП активно распространяла свой устав, который к августу был «отпечатан в громадном количестве экземпляров», и стремилась вербовать новых членов в армии³⁷. По-видимому, определенные успехи в этом направлении имелись — так, более трети из числа присутствовавших на собрании группы ВНГП в Царицыне были военными (полковник, ротмистр, штабс-капитан, два поручика, прапорщик)³⁸.

Во время своих путешествий по Югу России Пуришкевич пытался привлечь в партию и ряд известных персон. Как отмечала жена И. А. Бунина Вера Николаевна, в ряды партии Пуришкевич предлагал вступить и ее мужу. В сентябре 1919 г. Владимир Митрофанович наведялся к Буниным, жившим тогда в Одессе, и, не застав дома Ивана Алексеевича, вступил в диалог с его супругой. Отметив, что Бунин как-то выразил желание с ним познакомиться³⁹, Пуришкевич попросил передать ему программу ВНГП. «Я надеюсь, что и он будет сочувствовать. В ней два главных пункта — конституционная монархия и против евреев», — сказал Пуришкевич. Услышав в ответ, что Бунин не антисемит и как поэт не может быть человеком партийным, Владимир Митрофанович уверенно заявил: «Я — тоже поэт, а в то же время я для партии сделаю все, что хотите, даже на Луну влезу». Закончилась эта беседа передачей Вере Николаевне программы ВНГП с просьбой вручить ее Бунину⁴⁰.

В итоге за июль–сентябрь 1919 г. были созданы отделы ВНГП в десятках городов, контролируемых Вооруженными силами Юга России (далее — ВСЮР). Самый сильный отдел — ялтинский (создан 26 августа 1919 г.⁴¹) — возглавлял полковник М. М. Раевский. Как вспоминал управляющий делами Главного совета ВНГП Л. М. Савелов, он нанял для руководства Ялтинского отдела помещение в гостинице «Джалита», члены которого ежедневно собирались по утрам, составив «нечто вроде монархического клуба»⁴². При отделе существовал даже свой кооперативный магазин, который возглавлял видный дореволюционный правый деятель, бывший член Главной палаты РНСМА

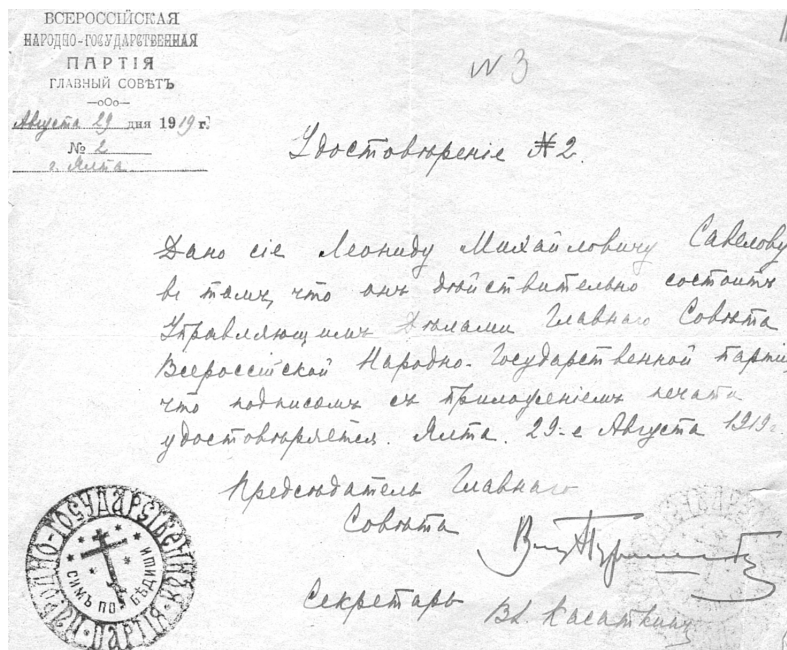

Фото 3. Удостоверение управляющего делами Главного совета ВНГП Л. М. Савелова за подписью В. М. Пуришкевича (август 1919 г.)

Г. И. Кушнырь-Кушнарв⁴³. Кроме того, Ялтинский отдел планировал открыть первый сельский отдел ВНГП в Байдарской волости Симферопольского уезда и назначил С. Н. Плаутина разъездным агитатором для территории Крыма⁴⁴. В Кисловодске местный комитет ВНГП возглавил присяжный поверенный Орлов, причем отмечалось, что «партия имеет много сторонников среди деятелей прежнего режима»⁴⁵. (По другим данным, кисловодский отдел возглавлял Я. Н. Офросимов.) В Царицыне местными лидерами стали ротмистр М. Г. Деконский (председатель), штабс-капитан А. Н. Власов (секретарь) и И. Я. Пятаков (председатель организационного бюро)⁴⁶; в Белгороде — В. Шетохин, в Луганске — Личковаха. В Одессе во главе ВНГП первоначально встал генерал-майор С. И. Гаврилов, в 1918 г. бывший генеральным хорунжим Украинской державы. Также Гаврилов возглавлял одесский Совет объединенных христианских организаций и, по всей видимости, со временем переключился на работу в этой организации, а руководство в местном отделе ВНГП перешло к брату Пуришкевича⁴⁷. «Кроме Ялты, — вспоминал Л. М. Савелов, — мне известны отдел[ы] в Феодосии, Одессе и Царицыне, которые успели мне сообщить лишь протоколы учредительных собраний, о деятельности их мне так ничего и не стало известно. Во главе Одесского отдела стоял М. М. Пуришкевич, брат Владимира Митрофановича, во главе Феодосийского — энергичный, но немного шалый и несдержанный Борис Николаевич Смирнов»⁴⁸.

Из того, «что и в Кисловодске, и в Харькове Пуришкевич имел успех, главным образом, среди интеллигенции», в Осведомительном агентстве ВСЮР (ОСВАГе)

делался вывод, «что партия его успехом среди народа пользоваться не будет, так как последний слишком чутко еще реагирует на все, напоминающее им правый монархизм»⁴⁹. Однако, несмотря на это, Пуришкевич не унывал и продолжал открывать новые отделы. Приближенные к нему люди говорили о надеждах Владимира Митрофановича примерно следующим образом: «К моменту окончательной победы над большевиками народная масса, усталая от пережитых потрясений, жаждущая порядка и возвращения к мирному труду, — окончательно утратит свою роль главной движущей силы революции, масса отойдет от политики, но революция еще будет продолжаться и взамен “демоса” на арене борющихся сил окажутся политические группы, кружки и партии, из которых каждая будет говорить от имени народа. Вот этим-то моментом и предполагает воспользоваться партия Пуришкевича, создать себе имя и появиться на политической арене. Тем более, что ее программа как нельзя более подойдет в тот момент психологии масс»⁵⁰.

Выступления Пуришкевича в разных городах Юга России обеспечивали рост как численности партии, так и количества местных отделов. Но такая методика партстроительства имела и обратную сторону. После отъезда вождя в другой город ВНГП еще какое-то время обсуждалась в местной прессе, а затем исчезала из сводок новостей. Отсутствие сильных местных лидеров и определенных занятий для актива приводило к тому, что вскоре отделы прекращали свое существование. Какую-то более или менее заметную деятельность вели только ялтинский, ростовский и кисловодский отделы, да и то уже в конце октября 1919 г. из Терской области сообщалось, что ВНГП «никакой активности в работе не проявляет»⁵¹. «Продуктивной наша работа быть не могла, — вспоминал один из лидеров Ялтинского отдела Л. М. Савелов. — Ялта не являлась центром белого движения, сношения с остальными местностями, занятыми добровольцами, были весьма затрудненными, людей, могущих, а тем более желающих работать было мало, часть же держалась отдельно, точно боясь показать свое монархическое лицо <...> Главный совет фактически не существовал, так как налицо были А. И. Асеев, М. М. Раевский и я, остальные же разбросаны по всей свободной от большевиков России. Асеев к тому же скоро умер, и я с М. М. Раевским остались в полном одиночестве»⁵². Так что даже в Таврической губернии, благоприятной для ВНГП, деятельность партии заключалась «исключительно в регистрации членов», «которые за редким исключением принадлежат к старой аристократии и бюрократии»⁵³. В октябре 1919 г. Главный совет проявил себя лишь выпуском обращения к населению Ялты по поводу махновщины⁵⁴.

Впрочем, по сравнению с другими правыми организациями, занимавшимися в основном только разговорами, ВНГП все же проявляла некоторую активность. Но, как отмечалось в сводке Информационной части, «работа ее имеет успех исключительно на курортах», в среде «ничего не делающей курортной публики, тоскующей о возврате к прежней жизни»⁵⁵. Главнокомандующий ВСЮР генерал А. И. Деникин также вспоминал, что «большой шум создавал вокруг себя Пуришкевич, перессорившийся со всеми правыми лидерами и насаждавший повсюду отделы своей “Народно-государственной” партии, имевшей главный источник комплектования среди обитателей курортов»⁵⁶. Это утверждение не было лишено оснований. Савелов вспоминал, как он жил в то время: «В Ялте потянулась опять

тихая жизнь, налаживался наш шампанский завод, ежедневно утром собирались в канцелярии Народно-государственной партии, вечером большей частью — винт или преферанс»⁵⁷.

Корреспондент кадетского «Одесского листка» М. Бертенсон оставил такие впечатления о посещении этого города в конце октября 1919 г.: «Вообще, Пуришкевич — герой дня. В глазах известной части населения — истолкователь и выразитель национального возрождения. Он и самолично проживает в настоящее время в Ялте, читает свои лекции, издает свои воззвания. В первые дни своего приезда я даже усумнился в том, существует ли в Ялте какая-либо иная политическая организация, кроме “народно-государственной партии”. До такой степени крикливо афишируют себя столпы черносотенства». А близкая к ВНГП газета «Ялтинский вечер», «вдохновляемая “отдыхающими” в глубоком тылу черносотенцами, — продолжал Бертенсон, — лукаво и систематично отравляет национальное сознание ядом человеконенавистничества, коварно подкапывается под государственные идеи, лежащие в основе творимого армией патриотического подвига. Задачу момента вечерняя газета усматривает в том, чтобы путем откровенной лжи разрушать базу нашего гражданского мира в тылу борющихся за Россию Добровольцев. Реабилитация и возвеличение... династии Романовых, проповедь реставрации “исторической власти русских царей” — исчерпывает все политическое содержание монархической газетки. Ни слова о Колчаке и Деникине: все о Николае II. Ему же посвящен и специальный, по случаю 25-летия восшествия на престол, юбилейный номер»⁵⁸.

Впрочем, Бертенсон, действовавший в своих партийных интересах, лукавил. Конечно, газета вела монархическую пропаганду, но и про Добровольческую армию не забывала. Так, в одном из номеров была опубликована телеграмма, направленная А. И. Деникину и подписанная председателем Ялтинского отдела ВНГП М. М. Раевским и членом Совета отдела С. Н. Плаутиным. В ней говорилось: «Ялтинский Отдел Народно-Государственной партии на первом учредительном собрании своим поручил нам передать Вашему Высокопревосходительству свою беззаветную преданность и безграничное восхищение геройскими подвигами водимой Вами Добровольческой Армии. Да укрепит Господь Бог в руках Ваших стяг собирателя земли Русской, да поможет он воссоздать величие нашей Родины, да примет он в лоно свое всех тех, кто за Веру и Отечество живот свой на поле брани положили»⁵⁹.

В сентябре 1919 г. состоялись выборы в Городскую думу Ялты, на которых «деловой» список, поддержанный ВНГП, получил 36 мест из 52⁶⁰. «Одесский листок» писал, что выборы «явили печальную картину обывательской сонливости и равнодушия: к урнам пришло едва 20 процентов избирателей. И результаты оказались совершенно плачевные: большинство гласных принадлежит к крайним правым»⁶¹. Также ходили слухи, что ВНГП примет участие в выборах в Одесскую городскую думу. Первоначально полагали, что или сам Пуришкевич возглавит одесских правых⁶², или его партия поддержит список домовладельцев⁶³, но эта информация оказалась не соответствующей действительности⁶⁴. Несмотря на то что ВНГП участия в выборах не приняла, в день голосования, 1 декабря 1919 г., по городу были расклеены антисемитские прокламации от имени Пуришкевича,

а меньшевистская газета «Южный рабочий» отмечала, что «под знаком Пуришкевича прошли выборы во многих участках»⁶⁵. Список Христианского трудового блока, объединившего членов всех правых организаций города, получил более 40 % голосов и занял 86 мест гласных из 120. Городским головой Одессы стал один из учредителей местного отдела ВНГП В. А. Колобов⁶⁶, в прошлом — екатеринославский и акмолинский губернатор, а при гетмане — управитель канцелярии уполномоченного украинского правительства. В Харькове члены ВНГП планировали присоединиться к избирательному списку Союза приходских советов⁶⁷. Но в целом для партии Пуришкевича было характерно стремление отмежеваться от других правых групп. Сам Владимир Митрофанович объяснял журналистам, что «коалиции с другими партиями народно-государственная партия не признает, так как она является сейчас в России самой крайней»⁶⁸.

С Ялтой связан и еще один важный эпизод. 3 октября 1919 г. гвардии капитан Б. А. Смысловский — в будущем генерал Вермахта и руководитель «Зондерштаба Р», известный под псевдонимом «Хольмстон», — написал Пуришкевичу письмо. Смысловский и Пуришкевич познакомились летом 1919 г. во время торжественного обеда, на котором небольшая группа гвардейских офицеров чествовала популярного политика, а он, в свою очередь, «очень интересно рассказывал о причинах и закулисной работе некоторых петербургских кругов, приведших ... этим роковым историческим событиям» и о своей роли в убийстве Г. Е. Распутина⁶⁹. Смысловский писал Пуришкевичу, что он получил от контрразведки данные о том, что в Ялте ожидаются провокационные еврейские погромы, причем они «организуются левыми русскими и английскими партиями и, по-видимому, по указанию главной крымской масонской ложи». Целью погромов якобы было желание «дискредитировать Добрармию в глазах английского народа и на основании этого потребовать от английского правительства полного невмешательства в русские дела», «выговорить еврейству особые охранные грамоты», ослабить беспорядками тыл и поднять большевистское восстание, обвинить в организации их правые общественные круги, в частности ВНГП, и добиться их уничтожения, «закрывать правую печать», запретить Пуришкевичу, как виновнику возникновения погромов, читать свои лекции и работать. По сведениям Смысловского, в городе шла «страшная провокационная агитация», особенно среди чинов государственной стражи и солдат комендатуры, причем погромной агитацией активно занимались англичане. Смысловский считал, что нужны чрезвычайные меры с целью положить конец провокации «во вред нам и пользу нашего единственного и исконного врага, — еврейства»⁷⁰.

Видимо, слухи о возможности еврейского погрома в Ялте активно муссировались, и сигнал от Смысловского был не единственным. Победа крайне правых на местных выборах могла только поспособствовать подобным настроениям. Для пресечения подобных слухов Главный совет ВНГП выпустил специальное воззвание, в котором отмечал, что, «признавая погромы за отвратительное и преступное орудие борьбы с еврейством, не допускает мысли, чтобы к этому оружию могли бы прибегнуть народные массы, и приглашает последние к духовной и к экономической сплоченности, путем коей только и возможна борьба с организованным еврейством». Особо отмечалось, что «после каждого еврейского погрома страдают больше всего христиане, ибо евреям удается выхватывать

из народных масс и привлекать к ответственности за учиненное насилие не истинных виновников погрома, а наиболее опасных для еврейства деятелей из среды христианских масс». Граждан призывали не возбуждать страсти, а помогать административной власти насаждать покой и порядок. Предупреждая потенциальных погромщиков, Совет ВНГП обещал, что «всякий член партии, заподозренный в подстрекательстве к погрому, помимо наказания, которое должен будет понести от власти административной, — будет навсегда исключен из числа членов Партии, как опозоренный поступком, недопустимым по духу и смыслу ее устава»⁷¹. «Это воззвание, — вспоминал Л. М. Савелов, — действительно, вполне соответствовало уставу, где весьма определенно проводилась мысль о легальной борьбе с евреями, которые по программе партии должны были быть объявлены иностранными поданными. Нас, кроме того, беспокоила мысль, что погром, если бы он состоялся, мог быть приписан В. М. Пуришкевичу, который в это время находился в Ялте. Слава Богу, погром не состоялся»⁷². После этого эпизода даже леволиберальная пресса, обвинявшая Пуришкевича в ведении антисемитской кампании, была вынуждена признать, что он «вместе с тем выступил недавно с резким осуждением погромов»⁷³.

С конца сентября деятельность партии и Пуришкевича связана уже не с открытием новых отделов, а с изданием ряда печатных органов, получивших известность в годы Гражданской войны. Как раз в это время основная активность партии начала перемещаться в Ростов-на-Дону, где и было организовано издание радикальной антисемитской газеты «В Москву!», имевшей подзаголовок «Орган русской национальной мысли». В Ростове в состав ВНГП вошло местное «Русское собрание» «до приискания более плодотворного приложения своих способностей». Возможно, это произошло из-за возникших у «Русского собрания» проблем с финансами, вызванных запрещением в его клубе карточной игры, о чем не без иронии отмечалось в сводке Информационной части⁷⁴. Так или иначе, редактором неофициальной газеты ВНГП «В Москву!» стал представитель «Русского собрания», юрисконсульт фирмы Н. А. Второва присяжный поверенный Н. П. Измайлов, который также был наиболее активным членом ростовской общины Союза русских национальных общин. По оценке А. И. Деникина, Измайлов был «мрачно-правый»⁷⁵. «Мы — русские люди; мы националисты. Поэтому мы больше всего любим нашу Россию и русский народа»⁷⁶, — писал Измайлов в первом номере газеты.

Издание газеты оказалось делом более успешным, чем открытие многочисленных отделов ВНГП. В сводках информационной части Отдела пропаганды сообщалось, что «главным потребителем монархической литературы является в настоящий момент фронт», а газета «В Москву!» «выписывается почти всеми воинскими частями и имеет там громадный успех, подходя всецело под царящее на фронте настроение»⁷⁷. Заведующий Военными проповедническими курсами в Новочеркасске архимандрит Григорий в письме к Пуришкевичу от 4 декабря 1919 г. просил «сделать распоряжение о высылке для курсов периодических изданий Н.-Гос. партии ([“В Москву!”] и др.)»⁷⁸.

«Вся газета составлена в ярком антисемитском духе и имеет целью доказать, что виновником возникновения революции и большевизма были исключительно евреи»⁷⁹, — говорилось в одном из донесений ОСВАГа. По мнению члена Особого

Фото 4. Газета «В Москву!»

совещания Н. И. Астрова, газеты, подобные газете «В Москву!», дестабилизировали обстановку и «порождали смуту»⁸⁰. «Здесь читатель найдет и цитату из Достоевского, и перевод псевдонимов евреев-комиссаров на подлинные фамилии, <...> и длинную (верную ли?) цитату из харьковского “Коммуниста”, в котором какой-то г. Коган доказывает, что “октябрьская революция сделана не темными забитыми русскими массами, но руками евреев”⁸¹, и ряд пасквильных статей», — писал одесский кадет Б. А. Велихов. Он обвинял «В Москву!» в том, что она является органом националистической, а не национальной мысли, и отмечал, что в предлагаемом газетой «“меню” погромного обеда» нет только «пирожного», т. е. непосредственно самого призыва к погрому⁸². Похоже, именно газета «В Москву!» была одним из родоначальников популярного в дальнейшем жанра, а именно подсчета количества евреев — как реальных, так и выдуманных — среди советских руководителей и деятелей революции, и раскрытия их «настоящих» фамилий. А. М. Дроздов, сотрудник ОСВАГа, писал, что газета пользовалась «громадной, воистину чудовищной популярностью» и в конце концов была закрыта ростовским градоначальником из-за опасения еврейского погрома, «который уже закипал на рынках, на сумятливых ростовских толкучках»⁸³.

Несмотря на закрытие ростовского издания, была попытка продолжить выпуск газеты в Киеве. Предполагалось, что киевское издание «В Москву!» будет выходить еженедельно под редакцией Б. А. Швайдака, состоя из перепечаток статей из «головного» ростовского издания и местных военных сводок⁸⁴. Но Киев 3 (16) декабря 1919 г. был оставлен белыми, и свет увидел только один номер газеты.

В связи с закрытием газеты заслуживает внимания вопрос о взаимоотношениях ВНГП и Пуришкевича с деникинскими властями. Сам Деникин вспоминал, что был «удивлен, найдя в делах ходатайство управления мин. внутр. дел о солидной

субсидии Пуришкевичу, по-видимому, удовлетворенное отделом пропаганды»⁸⁵. В то же время непосредственный руководитель Отдела пропаганды К. Н. Соколов отмечал, что ВНГП шумела больше других правых групп, но непосредственной связи с правительством у нее, как и у других правых, не было⁸⁶. Скорее всего, прав Соколов, а ходатайство о субсидии могло быть недосмотром кого-то из чиновников, и вряд ли оно было удовлетворено. По крайней мере ОСВАГУ не имело никакого смысла финансировать деятельность партии Пуришкевича, настроенной резко против деникинских пропагандистов и к тому же критиковавшей союзников и склонявшейся к германской «ориентации». В 1919 г. в правых кругах на Дону даже была в ходу фраза «бей жидов и осважников»⁸⁷. Местные ростовские власти также никакой симпатии к Пуришкевичу не испытывали и, кроме закрытия газеты, также запрещали его выступления. Так, ростовский генерал-губернатор запретил лекцию на тему «Россия и Англия», запланированную на 30 ноября⁸⁸.

Партия Пуришкевича не осталась в долгу и выступила с резкой критикой действий руководства Добровольческой армии, считая, что вожди Белого движения борются лишь с последствиями (т. е. большевизмом), а не с причинами (ослаблением православной веры и монархического чувства в народе; либерализмом, подготовившим почву для прихода к власти большевиков). Выход из сложившейся ситуации виделся лидеру ВНГП в оздоровлении гражданского тыла путем устранения от власти «всех политических фетюков — разрушителей России, прочно засевших в Особом Совещании и оттуда распоряжающихся нашей внутренней и внешней политикой, наперекор психологическому сдвигу вправо народных масс» (т. е. либералов — в особенности «блудоязычных кадетов», а также социалистов, примкнувших к Белому движению), и в установлении «волевой диктатуры» с последующим восстановлением самодержавной монархии⁸⁹. (Категорически не принимая большевизма, Пуришкевич ставил белым в пример «твердость этой власти и волевой импульс ее проводников»⁹⁰.)

Как отмечалось во вступительной статье к программе ВНГП, главная угроза России после падения большевизма коренится не в социалистических партиях, суть которых народ уже прекрасно понял, а в «так называемой передовой русской интеллигенции, не связанной одним корнем с русским народом; духовно чуждой и чуждой его мировоззрению», представленной конституционно-демократической партией⁹¹. Социалисты же «любых мастей», по мнению Пуришкевича, являлись убежденными врагами русской государственности, а поэтому Белое движение должно было быть полностью от них очищено. Если социалисты придут к власти, декларировал Пуришкевич, то впереди — «уничтожение России, как таковой, полная нивелировка ее бытового уклада и вытравливание национального чувства и религиозных верований, на коих веками выковывалась русская государственная мощь и создавалось русское национальное единство»⁹². При этом он выражал надежду, что «торжествующий большевизм, являясь ярким и выпуклым проявлением всей сути социалистических учений», неминуемо приведет «к окончательным похоронам во всем мире социалистических бредень»⁹³. Итоговый вывод правого политика был следующим: «Всякие заигрывания с социалистами и кадетами всех мастей обречены на полный провал: они увеличат только то колоссальное море святой крови русского воинства, которое пало в гражданской войне за идею Единой

России», ибо «только Монархия может спасти Россию, только при наличии Царской власти обеспечены для России как ее Государственное единство <...> так и политическая мощь и влияние на ход исторических событий среди держав мира в грядущие годы»⁹⁴.

Открыто провозгласив монархические и национал-патриотические принципы, ВНГП естественно оказалась в оппозиции к «непредрешенческой» политике, которую проводили вожди Белого движения. Пуришкевич, вспоминая В. А. Маклаков, «упрекал Белое движение за его половинчатость, за то, что не развертывает прежнего знамени, не договаривает до конца»⁹⁵. Журналистам лидер ВНГП заявлял, что отношение его партии к «программе, возвещенной адмиралом Колчаком и ген. Деникиным, разумеется, отрицательное»⁹⁶. Впрочем, как было показано выше, ВНГП при этом сохраняла лояльность Добровольческой армии.

После запрета «В Москву!» печатный орган Пуришкевича был переформатирован. Были изменены название (вместо «В Москву!» — «Благовест»), формат (вместо газеты — журнал) и подзаголовок (вместо «органа русской национальной мысли» — «журнал русской монархической народно-государственной мысли», т. е. фактически было признано, что «Благовест» является официальным изданием ВНГП), но редакция и эмблема издания, на которой был изображен московский Кремль, остались прежними.

Первый номер «Благовеста» вышел в декабре 1919 г., хотя разрешение на его издание было получено еще 14 ноября⁹⁷. Журнал открывался весьма символическим стихотворением Пуришкевича «Молитва», в котором, вызывая ассоциации с гимном Российской империи «Боже, царя храни!», лидер правых обращался к читателю с полными глубокого трагизма и призыва к покаянию строками, заканчивая каждую строфу призывом: «Боже, царя нам верни!»⁹⁸

В ряде статей, преимущественно написанных лидером ВНГП (в том числе под псевдонимом В. Чарский), журнал также декларировал позицию партии по основным политическим вопросам. Кроме того, Пуришкевич безжалостно обрушивался на Отдел пропаганды, страдающий «недостатком русских фамилий» и «непропорционально большой долей евреев»⁹⁹. Однако стать влиятельным национально-монархическим изданием «Благовесту» так и не довелось — первый номер журнала оказался и последним, так как несколько недель спустя после его выхода Ростов-на-Дону был сдан. Пуришкевич успел уехать из Ростова за три дня до его оставления, 23 декабря 1919 г. (5 января 1920 г.), на поезде П. Н. Врангеля¹⁰⁰. Вскоре, 11 (24) января 1920 г., он скончался в Новороссийске от сыпного тифа.

Партия ненадолго пережила своего вдохновителя и вождя. Несколько дольше других во врангелевском Крыму просуществовал Ялтинский отдел, но без Пуришкевича он уже не мог иметь никакого значения. 31 января 1920 г. состоялось общее собрание отдела, на котором присутствовали 39 чел. Председательствующий Ю. А. Ковако предложил почтить память покойного создателя партии вставанием. На собрании было высказано предложение прекратить деятельность партии из-за неподходящей политической обстановки, но за него проголосовало лишь три человека. Кроме того, собрание признало, что кооперативный магазин Экономического общества в Ялте не считает себя в каких бы то ни было отношениях с партией и поэтому не может более именоваться состоящим

Молитва.

Боже, Который Россійской Державѣ
Даль процвѣсти въ дивной силѣ и славѣ,
Боже, спасавшій Россію отъ бѣдъ,
Боже, вѣнчавшій насъ блескомъ побѣдъ,
Боже, помилуй насъ въ смутные дни,
Боже, царя намъ верни!

Властью царей, Тобой, Боже, вѣнчанныхъ,
Русь возвеличилась въ подвигахъ бранныхъ,
Стала могучею въ мирныхъ трудахъ
Намъ всѣмъ на славу, врагамъ же — на страхъ.
Боже, помилуй насъ въ смутные дни...
Боже, царя намъ верни!

Русское имя покрылось позоромъ,
Царство растерзано адскимъ раздоромъ,
Кровью залита вся наша страна...
Боже, нашъ въ томъ и наша вина.
Боже, помилуй насъ въ эти страшные дни...
Боже, царя намъ верни!

Молимъ, избави насъ отъ искушенья
И укажи намъ пути избавленья...
Стонетъ измученный грѣшный народъ,
Гибнетъ подъ гнетомъ стыда и невзгодъ...
Боже, лукаваго власть изжени!
Боже, царя намъ верни!

Ростовъ н-Д.

Декабрь 1919 г.

Безъ забрала.

Не вышиной тюремныхъ стѣнъ
Сломить нашъ духъ и убѣжденъ,
Тюрьма, гоненья, бѣдность, плѣнь
Русскій! Пусть смерть, пусть смрадъ
и тѣнь,
Мы сломаемъ! вѣрь сомнѣній!
Царь снова будетъ на Русь!

Время, переживаемое Россіею сейчасъ, исключаетъ
возможность какихъ бы то ни было педомозковъ во всѣхъ
проявленіяхъ общественной и государственной жизни.

Будущее должно принадлежать тѣмъ, которые дѣйст-
вуютъ прямо и открыто и также прямо и открыто го-
ворятъ.

Ни полумѣры, ни полуслова сейчасъ не годятся, пер-
выми — полумѣрами нельзя ни вразумить, ни утратить

*) Начало стихотворения Пуришкевича, написанного улемъ
на стѣнѣ 45 камеры Трубецкаго Бастіона Петропавловской крѣ-
пости въ первый же день заключенія его большевиками ночью
8 ноября 1917 года.

тѣхъ, которые способны подчиняться только силѣ, а вторы-
ми — полусловами нельзя повлечь на тѣхъ, которые умѣютъ
разбираться въ нравѣ и во лжи, въ скрытыхъ намѣреніяхъ
и способны уважать только говорящихъ то, что они дума-
ютъ «Долой забрало!» вотъ лозунгъ чести нашихъ дней.

Исходя изъ этого положенія и учитывая современную
психологию русскихъ народныхъ массъ, въ особенности въ
тѣхъ мѣстахъ, гдѣ большевизмъ показалъ воочию народу къ
какимъ результатамъ привело его исканіе свободы по со-
ціалистическимъ образцамъ, въ нацѣлившись по Россіи
республиканскія и коммуналскія, необходимо громко и открыто
заявить всѣмъ и всюду, что только Монархія въ будущемъ
можетъ спасти Россію; что только при наличности Цар-
ской власти обезпечены для Россіи какъ ея Государствен-
ное единство въ старыхъ границахъ, некогда Польши,
такъ и политическая мощь и вліяніе на ходѣ историче-
скихъ событій среди державъ міра въ грядущіе годы, это
первое.

Второе, главная причина длительности разрушитель-
ной власти большевизма на сѣверѣ заключается въ твер-
дости этой власти и волею импудъ ея проводниковъ.

Не умѣя останавливаться предъ препятствіями, боль-
шевизмъ ломаетъ все на своемъ пути, идя къ ламбенной
цѣли а, цѣль его растлѣніе христіанскихъ народовъ міра,
въ интересахъ іудизма.

Власть разрушительная — большевизмъ ненавидитъ
уже простому народу, который, будучи разрозненнымъ и не
вооруженнымъ сопротивляться на сѣверѣ ему однако почти
не способенъ.

Государственные идеалы, объединившіе весь югъ вѣ-
кругъ — Добровольческой Арміи встрѣчаются и будутъ встрѣ-
чаться, по мѣрѣ продвиженія этой арміи на сѣверъ варя-
нами народного энтузіазма. Обездоленный и сирый народъ
увидитъ въ нихъ залогъ своего воскресенія и станетъ при-
ветствовать всякую организованную боевую единицу,
которая принесетъ ему надежды на возвращеніе Россіи къ
забѣтамъ славной старины, — къ Царской власти, никогда не
покидавшей на бытовой укладѣ русскаго народа, и къ го-
сударственно поставленной, къ открытой борьбѣ съ ев-
рействомъ.

Это истина, — истина неоспоримая. Въ этой области не
можетъ быть никакихъ уступокъ ни своевольнымъ по-
пыткамъ «дружественныхъ» или враждебныхъ намъ, что
впрочемъ совершенно одно и тоже, державъ, такъ или
иначе предпринять ванъ будущій Государственный строй,
ни тѣмъ болѣе, злостнымъ понозвеніемъ прогорѣвшихъ
русскихъ политическихъ партій, тинущихся къ власти во
имя власти насаждать у насъ республику и дѣлать подла-
ки еврейству вопреки требованіямъ государственнаго разу-
ма и прямой воли русскаго народа.

Нужно помнить, наконецъ, вѣдическимъ героямъ «Осо-
баго Совѣщанія», что всякія заигрыванія съ социалетами
и съ евреями всѣхъ мастей, обречены на полный провалъ;
они увеличатъ только то колоссальное море святой
крови русскаго воинства, которое надо въ гражданской
войнѣ за идею Единной Россіи и въ концѣ концовъ, приве-
дутъ все таки Россію къ Монархіи и къ борьбѣ съ еврей-
ствомъ, оттянутъ лишь на время, этотъ моментъ
ства подлинно — русскаго національнаго дѣла.

Фото 5. Журнал «Благовѣст»

«при Народно-государственной партии»¹⁰¹. Дело заключалось в том, что руководитель кооператива Кушнырь-Кушнарев не пожелал допустить ревизии, которая могла бы обнаружить неприятные для него вещи, и откололся от партии, переименовав магазин в «Кооператив имени В. М. Пуришкевича»¹⁰². Как вспоминал Л. М. Савелов, также было решено «ввиду невозможности созывов Главного совета, благодаря отсутствию способов передвижения и сношений и оторванности Ялты, временно прекратить деятельность Главного совета и передать все дела Ялтинскому отделу»¹⁰³. Председатель отдела М. М. Раевский сложил свои полномочия, передав бразды правления Л. М. Савелову. Обновился и состав совета отдела, в который вошли князь И. А. Кропоткин (товарищ председателя), Б. Н. Шупинский, княгиня В. Н. Кропоткина, Ю. А. Ковако, В. А. Богословский, Л. М. Гребенщиков, О. С. Раевская и Д. Н. Петров¹⁰⁴.

Постепенно, констатировал Савелов, «партия ослабевала, покинули еще весной Ялту супруги Раевские, А. П. Воротников, Л. М. Гребенщиков, Г. В. Глинка и другие, надвигались тучи над Крымом, каждый думал о себе, было уже не [до] политики. Когда стало известно об эвакуации, я сжег бумаги, списки и захватил лишь печать и устав»¹⁰⁵. Во время эвакуации в Константинополь вместе с Савеловым отбыли Кушнырь-Кушнарев и другой член ВНГП, бывший издатель правой газеты «Колокол» В. М. Скворцов. Несмотря на то что деньги в магазин были вложены партией еще при Пуришкевиче, Кушнырь-Кушнарев и Скворцов, как утверждал Савелов, прихватили с собой принадлежавшие кооперативу продукты, оставив другим пайщикам лишь расписки об уплате паев, а потому «ехали с сияющими лицами», так как «были надолго обеспечены»¹⁰⁶.

Таким образом, просуществовав около года, ВНГП так и не сумела стать значительной политической силой на Белом юге России, хотя отдельные ее члены добились ряда побед на городских выборах. По количеству отделов она уступала только старым крупным партиям — кадетам, эсерам, меньшевикам, а по производимому шуму, возможно, и превосходила их. Обратив на себя внимание общественности благодаря неординарной личности своего лидера — В. М. Пуришкевича, партия как единая политическая структура прекратила существование практически сразу после его смерти. Однако уже то обстоятельство, что в рамках этого политического проекта произошла существенная корректировка дореволюционных черносотенных программ, заслуживает обращения к ее истории как к примеру эволюции взглядов части русских правых, вызванной событиями Революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны.

¹ Бутаков Я. А. Русские националисты и Белое движение на Юге России в 1919 г. // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7). С. 5–28; Иванов А. А. 1) Всероссийская народно-государственная партия: последнее детище В. М. Пуришкевича // Герценовские чтения 2006. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2006. С. 116–118; 2) Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика. М.; СПб., 2011. С. 386–392.

² Université Libre de Bruxelles. Fonds extérieurs à l'ULB. Puriskevic Vladimir, 1907–1920 [papier].

³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 74.

- ⁴ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 72–72 об.
- ⁵ *Федюк В. П.* Белое движение на Юге России. 1919–1920 гг.: учеб. пособие. Ярославль, 1996. С. 39.
- ⁶ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 92.
- ⁷ *Иванов А. А.* Как Пуришкевич с равнинами целовался: к истории одной демонстрации // Герценовские чтения 2011. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2012. С. 114–118.
- ⁸ *Волошин М. А.* Избранное. Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 263.
- ⁹ *Пуришкевич В. М.* Преступность защиты Учредительного собрания (к новым проискам Керенского) // Благовест. 1919. № 1. С. 23.
- ¹⁰ Народно-государственная партия. Программа и устав. Ростов н/Д., 1919; *Пуришкевич М.* Монархия или Республика? Издание Главного Совета Всероссийской Народно-Государственной Партии. Ростов/Д., 1919.
- ¹¹ Народно-государственная партия. Программа и устав. С. 7.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 15.
- ¹⁴ Там же. С. 39.
- ¹⁵ Там же. С. 16.
- ¹⁶ Там же. С. 23.
- ¹⁷ Там же. С. 17.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 74.
- ¹⁹ Народно-государственная партия. Программа и устав. С. 20; ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 74.
- ²⁰ Народно-государственная партия. Программа и устав. С. 26, 38.
- ²¹ *Пуришкевич В. М.* Преступность защиты Учредительного собрания... С. 24.
- ²² Там же. С. 25.
- ²³ У В. М. Пуришкевича // Южное слово. 1919. 7 (20) сент. № 12. С. 3.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 130. Л. 11–11 об.
- ²⁵ Новая партия // Единая Русь. 1919. 6 (19) сент. № 21. С. 2.
- ²⁶ Народно-государственная партия // Вольная Кубань. 1919. 23 авг. № 185. С. 2.
- ²⁷ *Португалов В.* Политические настроения (Письмо из Ростова) // Киевская жизнь. 1919. 1 (14) нояб. № 52. С. 1.
- ²⁸ Université Libre de Bruxelles. Fonds extérieurs à l'ULB. Purishev Vladimir, 1907–1920 [rapier]. Localisation: BE. ULB-A&B-ARCH. 002Z. 54 (9). F. 1.
- ²⁹ *Пуришкевич М.* Монархия или Республика? С. 19.
- ³⁰ BE. ULB-A&B-ARCH. 002Z. 71. F. 1.
- ³¹ Объявление // Единая Русь. 1919. 6 (19) сент. № 21. С. 1.
- ³² Среди правых // Одесские новости. 1919. 3 (16) нояб. № 11048. С. 4.
- ³³ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 92.
- ³⁴ Там же. Л. 115.
- ³⁵ Там же. Л. 151, 192.
- ³⁶ Народно-государственная партия // Единая Русь. 1919. 6 (19) сент. С. 4.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 135.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 130. Л. 1.
- ³⁹ Как потом выяснилось, И. А. Бунин однажды заявил про Пуришкевича, что ему «было бы любопытно посмотреть на этого неукротимого человека». Узнав об этом, Пуришкевич тут же решил, что поэт будет не прочь вступить в его партию (*Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / под ред. М. Грин: в 3 т. Frankfurt/Main, 1977. Т. 1. С. 314.*)
- ⁴⁰ Там же. С. 313–314.
- ⁴¹ *Савелов Л. М.* Воспоминания. М., 2015. С. 361.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. С. 362, 364–365.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 130. Л. 2 об.

- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 137 об.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 130. Л. 1 об.
- ⁴⁷ Среди правых // Одесские новости. 1919. 3 (16) нояб. № 11048. С. 4.
- ⁴⁸ *Савелов Л. М.* Воспоминания. С. 365–366. — Согласно данным протокола собрания председателем Феодосийского отдела был Е. А. Головачев, а Б. Н. Смирнов — уполномоченным Главного совета ВНГП (ГАРФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 130. Л. 4).
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 92.
- ⁵⁰ Там же. Л. 126 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 289 об.
- ⁵² *Савелов Л. М.* Воспоминания. С. 361–362.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 194.
- ⁵⁴ Там же. Л. 244.
- ⁵⁵ Там же. Л. 258 об.
- ⁵⁶ *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Т. 5. Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1926. С. 160.
- ⁵⁷ *Савелов Л. М.* Воспоминания. С. 372.
- ⁵⁸ *Бертенсон М.* Письма из Крыма // Одесский листок. 1919. 6 (19) нояб. № 169. С. 4.
- ⁵⁹ Хроника // Ялтинский вечер. 1919. 28 авг. № 30. С. 2.
- ⁶⁰ Среди правых // Современное слово. 1919. 3 (16) нояб. № 19. С. 3.
- ⁶¹ *Бертенсон М.* Письма из Крыма. С. 4.
- ⁶² Избирательная кампания // Одесский листок. 1919. 12 (25) сент. № 115. С. 3.
- ⁶³ Среди правых. С. 3.
- ⁶⁴ Народно-государственная партия // Единая Русь. 1919. 5 (18) нояб. № 70. С. 4.
- ⁶⁵ На выборах в Думу // Южный рабочий. 1919. 3 (16) дек. № 91 (504). С. 2.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 130. Л. 6. — Подробнее про выборы см.: *Чемакин А. А.* Лебедина песня «черной сотни»: «Христианский трудовой блок» и выборы в Одесскую городскую думу 1 декабря 1919 г. // Вопросы национализма. 2016. № 2 (26). С. 58–94.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 156 об.
- ⁶⁸ У В. М. Пуришкевича // Южное слово. 1919. 7 (20) сент. № 12. С. 3.
- ⁶⁹ Наша страна. 1972. 15 авг.
- ⁷⁰ ВЕ. ULB-A&B-ARCH. 002Z. 54 (12). F. 1–3.
- ⁷¹ ВЕ. ULB-A&B-ARCH. 002Z. 54 (11). F. 1; *Савелов Л. М.* Воспоминания. С. 363–364. — В уставе партии отмечалось, что еврейские погромы «крайне прискорбны» и недопустимы в христианском государстве, задача которого, «всячески бороться, несмотря на всю трудность борьбы с ними, как с явлениями стихийными» (Народно-государственная партия. Программа и устав. С. 39).
- ⁷² *Савелов Л. М.* Воспоминания. С. 364.
- ⁷³ Современные политические группировки // Киевская жизнь. 1919. 10 (23) нояб. № 60. С. 1.
- ⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 258 об.
- ⁷⁵ *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Т. 5. С. 161.
- ⁷⁶ *Измайлов Н.* Мы националисты // В Москву! 1919. 23 сент. № 1. С. 1.
- ⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 258 об–259.
- ⁷⁸ ВЕ. ULB-A&B-ARCH. 002Z. 54 (10). F. 1.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 176.
- ⁸⁰ *Пученков А. С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 — весна 1920 г.). СПб., 2012. С. 230.
- ⁸¹ Имеется в виду известная фальшивка, затем перепечатанная и другими правыми газетами Юга России (см., напр.: Заслуги еврейства перед трудящимися // Единая Русь. 1919. 24 ноября (6 декабря). № 86. С. 3). В действительности указанного номера «Коммуниста» никогда не существовало.
- ⁸² *Велихов Б.* Позор // Одесский листок. 1919. 17 (30) окт. № 149. С. 2.
- ⁸³ *Дроздов А.* Интеллигенция на Дону // Архив русской революции. Т. II. Берлин, 1921. С. 57.

- ⁸⁴ В Москву! Киевское издание. 1919. 18 нояб. № 1.
⁸⁵ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 5. С. 160.
⁸⁶ Соколов К. Н. Правление генерала Деникина (из воспоминаний). София, 1921. С. 177.
⁸⁷ ГАРФ. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 34. Л. 12.
⁸⁸ Запрещение лекции Пуришкевича // Донская речь. 1919. 30 нояб. (13 дек.). № 16. С. 4.
⁸⁹ Благовест. 1919. № 1. С. 1–2, 24.
⁹⁰ Пуришкевич В. (Вступление) // Пуришкевич М. *Монархия или Республика?* Стр. без номера.
⁹¹ Народно-государственная партия. Программа и устав. С. 10–11.
⁹² Пуришкевич В. М. Преступность защиты Учредительного Собрания... С. 23.
⁹³ Там же.
⁹⁴ Пуришкевич В. (Вступление); Без забрала // Благовест. 1919. № 1. С. 1.
⁹⁵ Маклаков В. А. В издательство «Я. И. Поволоцкий и К^о» // Последние дни Распутина. М., 2005. С. 18.
⁹⁶ У В. М. Пуришкевича // Южное слово. 1919. 7 (20) сент. № 12. С. 3.
⁹⁷ ВЕ. ULB-A&B-ARCH. 002Z. 54 (6). F. 1.
⁹⁸ Молитва // Благовест. 1919. № 1. С. 1.
⁹⁹ Чарский В. [Пуришкевич В. М.] Насадители национального чувства («Осваг» и его герои) // Благовест. 1919. № 1. С. 3–5.
¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 174. Л. 4.
¹⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 130. Л. 9 об.
¹⁰² Савелов Л. М. Воспоминания. С. 365.
¹⁰³ Там же. С. 362.
¹⁰⁴ Там же.
¹⁰⁵ Там же. С. 365.
¹⁰⁶ Там же. С. 365, 375.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Иванов А. А., Чемакин А. А. *Всероссийская народно-государственная партия В. М. Пуришкевича: программа, структура и печатные органы // Новейшая история России. 2017. № 2 (19). С. 98–119. УДК 94(470); 329.21*

Аннотация: В статье впервые в отечественной и зарубежной историографии подробно реконструируются и анализируются создание, программные установки и политическая деятельность одной из самых ярких русских монархических партий, созданных на Белом юге России — Всероссийской народно-государственной партии (1919–1920). Особое внимание уделяется лидеру ВНГП — известному правому политику начала XX в. В. М. Пуришкевичу (1870–1920), персональному составу руководителей отделов партии, а также ее периодическим изданиям — газете «В Москву!» и журналу «Благовест». Основываясь на новых источниках, авторы подробно освещают программу партии по таким ключевым вопросам, как государственный строй, гражданские права, международные отношения, аграрная и национальная политика, народное просвещение и др. Авторы доказывают, что в рамках последнего политического проекта В. М. Пуришкевича произошла существенная корректировка дореволюционных черносотенных программ, что заставляет обратить особое внимание на ВНГП как на интересный пример эволюции взглядов части русских правых, вызванной событиями Революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны. В статье также рассматривается и анализируется восприятие ВНГП деникинскими властями, обществом и прессой. Авторы раскрывают такой малоизвестный сюжет, как участие партии в выборах в Городскую думу Ялты. Основанная в первую очередь на архивных материалах, включая впервые вводимые в научный оборот документы из личного архива В. М. Пуришкевича, отложившегося в фондах библиотеки Свободного университета Брюсселя (*Université Libre de Bruxelles*), и публикациях белогвардейской прессы, как консервативного, так и либерального направлений, статья существенно дополняет имеющиеся в исторической науке сведения о партийной деятельности на Белом юге.

Ключевые слова: В. М. Пуришкевич, Всероссийская народно-государственная партия, «В Москву!», «Благовест», Гражданская война, Белый юг, монархизм, консерватизм.

Сведения об авторах: **Иванов А. А.** — доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); andriv78@yandex.ru | **Чемакин А. А.** — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия); chemakinanton@rambler.ru

FOR CITATION

Ivanov A. A., Chemakin A. A. The All-Russian People's State Party of V. M. Purishkevich: Program, Structure and Press, *Modern History of Russia*, no. 2, 2017. P. 98–119.

Abstract: In this article for the first time in Russian and foreign historiography the authors reconstruct and analyze the creation, the program and the political activity of one of the most outstanding Russian monarchist parties in the White South of Russia — the All-Russian Peoples State Party (1919–1920). Special attention is paid to its leader V. M. Purishkevich (1870–1920), a famous right-wing politician of the early 20th century, the leaders of different units of the party and its periodicals — the newspaper “V Moskvu!” (“To Moscow!”) and the journal “Blagovest” (“Chime”). Using the new sources, the authors discuss in detail the program of the party in its treatment of such vital issues as form of government, civil rights, international relations, agricultural and national policy, national education, etc. The authors prove that in his last political project V. M. Purishkevich made significant adjustments to his pre-revolutionary Black-Hundred programs. This fact draws our attention to ARPSP as an interesting example of the evolution of the views of some Russian right-wing politicians, triggered by the Revolution of 1917 and the Civil War following it. The paper also examines and analyzes the attitude of Denikin's authorities, society and press to ARPSP. The authors reveal such an obscure event as the participation of the party in the election to the Yalta city council. The article is mainly based on archival sources, including V. M. Purishkevich's personal archive to be used in an academic paper for the first time (which has been kept in the library of the Brussels Free University) (Université Libre de Bruxelles). The authors also made wide use of the white-guard press, both conservative and liberal. All this makes a significant contribution to the historical data concerning the activities of different political parties in the White East.

Keywords: V. M. Purishkevich, The All-Russian People's State Party, “V Moskvu!”, “Blagovest”, The Civil War, the White South of Russia, monarchism, conservatism.

Authors: **Ivanov A. A.** — Doctor of History, Associate Professor, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia); andriv78@yandex.ru | **Chemakin A. A.** — Candidate of History (Saint-Petersburg, Russia); chemakinanton@rambler.ru

References:

- Butakov Ya. A. ‘Russkiye natsionalisty i Beloye dvizheniye na Yuge Rossii v 1919 g.’, *Novyy istoricheskiy vestnik*, no. 2 (7), 2002.
- Chemakin A. A. ‘Lebedinaya pesnya “chernoy sotni”’: “Khristianskiy trudovoy blok” i vybory v Odesskuyu gorodskuyu dumu 1 dekabrya 1919 g.’, *Voprosy natsionalizma*, no. 2 (26), 2016.
- Denikin A. I. *Ocherki Russkoy Smuty*, Vol. 5: *Vooruzhennyye sily Yuga Rossii* (Berlin, 1926).
- Fedyuk V. P. *Beloye dvizheniye na Yuge Rossii. 1919–1920 gg.: uchebnoye posobiye* (Yaroslavl, 1996).
- Ivanov A. A. ‘Kak Purishkevich s ravinami tselovalsya: k istorii odnoy demonstratsii’, *Gertsenovskiy chteniya 2011. Aktualnyye problemy sotsial'nykh nauk* (St. Petersburg, 2012).
- Ivanov A. A. ‘Vserossiyskaya narodno-gosudarstvennaya partiya: posledneye detishche V. M. Purishkevicha’, *Gertsenovskiy chteniya 2006. Aktualnyye problemy sotsialnykh nauk* (St. Petersburg, 2006).
- Ivanov A. A. *Vladimir Purishkevich: opyt biografii pravogo politika* (Moscow; St. Petersburg, 2011).
- Puchenkov A. S. *Natsionalnaya politika generala Denikina (vesna 1918 — vesna 1920 g.)* (St. Petersburg, 2012).
- Savelov L. M. *Vospominaniya* (Moscow, 2015).
- Sokolov K. N. *Pravleniye generala Denikina (Iz vospominaniy)* (Sofia, 1921).
- Ustami Buninykh: dnevniki Ivana Alekseyevicha i Very Nikolayevna i drugiye arkhivnyye materialy*. Ed. M. Grin, Vol. 1 (Frankfurt am Main, 1977).